Афанасьева Людмила Викторовна

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ БАЗЫ ИНСТИТУТА ПАТРОНАТА В РОССИИ (КОНЕЦ XVIII - СЕРЕДИНА XX В.)

В статье отражены изменения, произошедшие в XVIII-XX вв. в значении термина "патронат". Обозначены принципы его осуществления в XVIII-XIX вв., в т.ч. по отношению к несовершеннолетним, отличие от устройства беспризорных детей. Отмечены трансформации, произошедшие с институтом патроната в советские десятилетия, в т.ч. его превращение в форму устройства детей, лишившихся родителей в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено анализу документов, которыми руководствовались государственные органы при передаче детей под патронат в Советском Союзе в 1923-1950 гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 30-34. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 349.3(091)
Исторические науки и археология

В статье отражены изменения, произошедшие в XVIII-XX вв. в значении термина «патронат». Обозначены принципы его осуществления в XVIII-XIX вв., в т.ч. по отношению к несовершеннолетним, отличие от устройства беспризорных детей. Отмечены трансформации, произошедшие с институтом патроната в советские десятилетия, в т.ч. его превращение в форму устройства детей, лишившихся родителей в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено анализу документов, которыми руководствовались государственные органы при передаче детей под патронат в Советском Союзе в 1923–1950 гг.

Ключевые слова и фразы: покровительство; призрение; дети, оставшиеся без попечения родителей; договор на патронирование; общественный инспектор по охране детства.

Людмила Викторовна Афанасьева, канд. ист. наук
Кафедра социальной работы
Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет
alvi_mila@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ БАЗЫ ИНСТИТУТА ПАТРОНАТА В РОССИИ (КОНЕЦ XVIII - СЕРЕДИНА XX В.)©

Первое общество патроната было основано в Филадельфии 7 февраля 1776 г. Ричардом Уистером. В Европе деятельность в этом направлении была начата в Дании 24 апреля 1797 г. [14, с. 13]. В России организацию патроната можно датировать началом XIX в., поскольку здесь первое попечительство о тюрьмах появилось в 1819 г. [Там же, с. 14]. Закономерно возникает вопрос: «Почему история патроната, который ныне ассоциируется исключительно с воспитанием несовершеннолетних, потерявших родителей, начинается с пенитенциарных учреждений?»

В XVIII–XIX вв. между словами патронат и преступник существовала прямая связь. Считалось, что первое нужно для того, чтобы помочь вторым удержаться от совершения новых противоправных деяний. Патронат определялся как специально организованные меры попечения по отношению к определенной группе населения – тем, кто выходил из мест заключения, а не просто покровительство как таковое. Подобного рода помощь была негосударственной, осуществлялась силами благотворительных обществ, которые создавались на добровольных началах и потому не имели единообразного названия. Лишь в 1908 г. в России появился «Нормальный Устав обществ покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения» [3, с. 11]. Хотя это не объясняет, почему идея поддержки слабых групп населения со стороны сильных первоначально нашла воплощение именно в уголовном законодательстве, и более точно такая помощь называлась так: тюремный патронат. Если же и встречалось выражение «специальный патронат», то под ним подразумевалась патронатная деятельность по отношению к определенным группам вышедших на свободу (например, женщинам).

Покровительство осуществлялось в соответствии с некоторыми правилами (или принципами). Так, считалось, что помощь должна была носить временный характер, выражаться в предоставлении только тех предметов, которые необходимы человеку на пути к честной жизни (одежды, обуви, продуктов). Оказывать поддержку деньгами считалось неразумным, однако разрешалось использовать средства, заработанные бывшим заключенным в тюрьме.

Этот принцип был сформулирован в 1895 г. Парижским пенитенциарным конгрессом и вошел в законодательство части европейских государств [14, с. 33]. Например, в Германии, передача сбережений патронатному обществу являлась обязательным условием начала помощи. Этот шаг являлся своего рода гарантией того, что патронируемый имеет серьезные намерения, готов выполнять указания попечителя. По английскому законодательству подобные действия не были разрешены, однако активность патронатных обществ там также зависела от передачи кассе патронатного общества заработанных денег. В то же время существовали и такие общества, которые ограничивали свою помощь тем, что встречали человека на выходе из пенитенциарного учреждения, кормили завтраком и «ободряли добрым словом» [Там же, с. 7].

Все написанное выше не означает, что в России не занимались призрением детей, лишившихся родительского попечения. Первый приют для так называемых зазорных младенцев и беспризорных детей был организован в России еще в 1706 г. около Новгорода [9, с. 44]. Вслед за приютами появились воспитательные дома. Они были предназначены для незаконнорожденных, малолетних детей арестантов и малолетних бродяг мужского пола. Другой формой призрения стала организация сиротских домов, которые служили для призрения сирот обоего пола из детей местных купцов, мещан, цеховых, посадских и вообще людей свободного состояния, не достигших 12 лет.

Однако воспитательные дома не оправдали своего предназначения. Смертность в них была исключительно высокой, что послужило основанием для появления в народе нового названия - морилка или фабрика ангелов. Существовал и так называемый кормилично-питомнический промысел. Он практиковался уже в XVIII в. и заключался в передаче сирот для вскармливания и воспитания за вознаграждение в крестьянские семьи. Законодательное оформление этот промысел получил после принятия «Учреждения для управления

© Афанасьева Л. В., 2012

губернией», которое закрепило за приказами общественного призрения право отдавать неимущих сирот на руки надежным людям для их дальнейшего воспитания [4, с. 99]. За заботу о детях приемным родителям полагалось умеренное вознаграждение.

Подобные технологии устройства детей существовали и за границей, но назывались они иначе. В 1869 г. в Нью-Йорке был основан «Римско-Католический приют покинутых детей» [12, с. 13]. В нем была принята следующая схема. Детям младше двух лет (или как их еще называли – дети, покинутые матерями) в частных семьях находили приемных родителей. Для грудных детей, помимо этого, нанимали кормилиц. Потом они возвращались в приют и воспитывались там еще четыре года, после чего вновь передавались в частные семьи. Будущих приемных родителей тщательно обследовали (интересовались как моральными качествами, так и материальными условиями). Здесь прослеживается некоторая связь с тюремным патронатом, поскольку и там при выборе попечителя предпочтение отдавалось людям честным и трудолюбивым, способным быть примером для подражания.

При передаче в семью придерживались правила – по одному ребенку в одну семью. Но даже после этого за ними продолжалось наблюдение, как со стороны работников приюта, так и со стороны существовавшего при муниципалитете города Нью-Йорка Департамента общественного призрения и исправления детей. В составе последнего имелись особые люди («навестители детей»), на которых и была возложена эта функция [Там же, с. 16]. Возможно, именно поэтому при выборе приемных родителей предпочтение отдавалось тем, кто жил рядом с железной дорогой. В другом обществе - обществе «Детской надежды», существовавшем в Филадельфии в конце XIX в., - передача ребенка в семью оформлялась контрактом, в котором заранее были определены условия содержания. За их нарушение полагались штрафы, тюремное заключение и отобрание воспитанников, однако это не мешало некоторым приемным родителям замаривать детей.

В этом отношении организация воспитания детей, не имевших родителей, за рубежом оказалась схожей с российской дореволюционной практикой. Однако термин патронат там не использовался, хотя часть детей, до того как попасть в приют, могли заниматься бродяжничеством и совершать противоправные поступки. Выражение «патронат над несовершеннолетними» в то время представлял собой разновидность специального патроната и предполагал опеку в течение нескольких лет над несовершеннолетними, освободившимися из исправительных учреждений.

К числу исправительных учреждений могли относиться не только колонии, но и часть приютов. Стокгольмский пенитенциарный конгресс признал помещение несовершеннолетних в частные семьи одним из лучших способов их поддержки. Однако реализация этой рекомендации встретилась с рядом трудностей и широкого распространения в России не получила (как и идея переселять их в отдаленные местности). Хотя в нашей стране необходимость патроната над несовершеннолетними была признана уже в 1866 г. и закреплена в «Правилах об исправительных приютах» [3, с. 41].

В 20-е годы XX в. в Советском Союзе патронирование стало рассматриваться как одно из перспективных направлений устройства беспризорных детей. Их передача в семьи на воспитание начала распространяться после проведения второго всероссийского совещания охраны материнства и младенчества, состоявшегося в апреле 1923 г. [6, с. 175]. При переходе из интерната в семьи воспитанники получали разовое пособие. Участники третьего совещания по охране материнства и младенчества, состоявшегося в декабре 1925 г., определили условия передачи детей на воспитание. Согласно им, патронат был возможен только в местностях, расположенных вблизи консультаций. В них требовалось обязательное наличие патронажной сестры, которая могла наблюдать за содержанием ребенка, отданного на воспитание [Там же, с. 194]. Участие сельского населения в патронировании поощрялось налоговыми льготами. В апреле 1926 г. ЦИК и СНК СССР освободили наделы крестьян, принимавших воспитанников детских домов, на 3 года от уплаты единого сельхозналога [15, с. 154].

В годы Великой Отечественной войны патронат начал широко применяться наравне с опекой и усыновлением не столько как способ перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей, сколько как вариант устройства большой массы детей, лишившихся или потерявших родителей. К июню 1942 г. в РСФСР в семьи было определено 13,9 тыс. детей (цифры приведены только по 19 областям, краям и республикам). К декабрю 1944 г. количество патронируемых достигло 140 тыс. человек. Поскольку всего к этому времени в семьях трудящихся воспитывалось 231 тыс. детей [2, с. 71-72], то получается, что около 60% из них были переданы в семьи на условиях патроната. По другим сведениям, всего за годы Отечественной войны усыновили, взяли под опеку и патронат 278 тыс. детей [Там же, с. 74].

Рассмотрим подробнее изменения, произошедшие в институте патроната в годы Великой Отечественной войны.

Уже 23 января 1942 г. СНК СССР принял постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», который активизировал работу с детьми. В документе было сформулировано требование - обеспечить их устройство и не допустить безнадзорности. Функции поиска беспризорных были возложены на Народный комиссариат внутренних дел. Обнаруженные дети передавались в детские приемники-распределители, в которых они могли находиться до двух недель и при необходимости обеспечиваться одеждой, из расчета не более 200 руб. на одного ребенка [5, с. 5]. При этом нельзя не заметить, что срок пребывания в приемниках-распределителях был сокращен почти вдвое по сравнению с тем, что было принято ранее. Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г., он не должен был превышать одного месяца [10, с. 27].

Если за время нахождения в приемнике-распределителе дети не возвращались родителям, то их дальнейшая судьба напрямую зависела от возраста. Те, кто достиг 14 лет, устраивался на работу. Для тех, кто был младше, помимо детских учреждений интернатного типа (дома ребенка, детские дома), существовало

патронирование. Согласно «Инструктивным указаниям о патронировании», утвержденным Народным комиссариатом просвещения 27 декабря 1945 г., оно представляло собой передачу детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи на определенный срок с выплатой соответствующего пособия [5, с. 35]. При этом между сторонами, передававшей и принимавшей ребенка на воспитание, заключался договор, в котором определялись срок его действия и обязанности участников.

Считалось, что дети могут быть отданы на патронат, начиная с 5 месяцев после рождения (в исключительных случаях – в возрасте от 3 месяцев) [7, с. 194]. В этом случае договор заключался с участием органов здравоохранения, и дети, находясь на патронате, одновременно оставались в ведении домов ребенка. Сроком окончания действия договора являлось достижение ребенком того возраста, после которого устройством его судьбы занимались органы образования. Что касается конкретной цифры этого рубежа, то в литературе есть указания то на три, то на четыре года. Это позволяет предположить, что в различные периоды имели место разные ситуации, но не позже четырех лет патронируемый ребенок гарантированно переходил на попечение отделов народного образования.

Что касается предельного срока патронирования, то в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся» от 1 апреля 1936 г. было указано, что оно могло продолжаться до достижения ребенком 16 лет [5, с. 41]. Однако позже в совместной инструкции трех Народных комиссариатов РСФСР «О патронировании детей, оставшихся без родителей» отмечено, что на патронат могут передаваться дети в возрасте до 14 лет. Увеличение времени действия патронатного договора еще на два года разрешалось лишь в исключительных случаях (к числу таковых относились болезнь подопечного или его обучение в школе). При этом интересно отметить, что составитель «Справочника по вопросам охраны детства», изданного в 1947 г., датировал этот документ 3 апреля 1943 г. [Там же, с. 42]. В другом источнике с тем же названием, подготовленном в 1956 г., указано другое число – 8 апреля, а сама инструкция называется «О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей» [13, с. 80, 115].

Почти десять лет спустя предельный срок патроната был повышен еще на два года и достиг 18 лет. Однако возможно это было только в случае успешной учебы ребенка в 8–10 классах (то есть на оценки «хорошо» и «отлично») [Там же, с. 14]. В законодательстве союзных республик существовали некоторые вариации в сроках патронирования. Так, в УзССР его определяли выражением «преимущественно до совершеннолетия» [11, с. 51]. Если приемные родители не соглашались с такой формулировкой, то длительность передачи ребенка на воспитание в семью должна была равняться минимум трем годам. Здесь же следует особо отметить, что в конце XIX в. нормальной продолжительностью патроната считался срок, не превышавший одного года [14, с. 46].

На воспитание в семью дети могли быть переданы и из детского дома. При этом на патронат отдавались не только круглые сироты. Согласно инструкции Народного комиссариата просвещения РСФСР от 29 августа 1944 г. «О порядке передачи воспитанников детских домов на воспитание в семьи трудящихся», было возможно устроить в семью ребенка, имевшего родителей, после получения письменного согласия с их стороны на это действие [10, с. 158]. При передаче воспитанника в семью составлялся специальный акт, но документальное оформление патроната (в виде заключения договора) происходило между отделами народного образования и лицами, принимавшими детей.

Первоначально патронирование представляло собой передачу детей в чужие семьи. Этим оно отличалось от опеки, при которой ребенок оставался у тех лиц, которые уже заботились о нем. Чуть позже был разрешен и родственный патронат. Допускалось это в тех случаях, когда органы здравоохранения или образования не могли найти или привлечь родственников выполнять обязанности по содержанию и воспитанию детей на условиях опеки или усыновления (например, по причине материального положения последних). В то же время существовал и другой запрет, согласно которому нельзя было отдавать детей в семьи, в которых помощь и пособия, выделявшиеся на содержание патронируемого ребенка, могли стать основным источником существования.

Разрешен временный родственный патронат был и в тех случаях, когда родители ребенка являлись инвалидами I и II групп и не имели «достаточных средств для содержания своих детей» [13, с. 122] (определение термина «достаточный» в цитируемом тексте не приведено). В этом случае договор о патронировании заключался с теми родственниками, которые оказывали помощь в воспитании детей. На их месте могли оказаться и классные руководители, или депутаты местных Советов.

Постановлением «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» от 23 января 1942 г. было определено, что лицам, принявшим детей на воспитание, необходимо выдавать ежемесячное пособие в размере 50 руб. на одного ребенка [5, с. 5]. Для сравнения: женщины, имевшие трех детей, при рождении четвертого ребенка, согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1947 г., ежемесячно получали на 10 руб. меньше. Хотя многодетным матерям выплачивались и единовременные суммы: 200 руб. после рождения третьего ребенка и 650 руб. – после четвертого [8, с. 21].

Конкретный размер ежемесячного пособия на патронируемого в официальных документах, принятых позднее, отсутствует. Однако известно, что он зависел от утвержденных бюджетов органов здравоохранения и образования и указывался непосредственно при заполнении договора. Подобное положение встречается в «Инструктивных указаниях о патронировании», утвержденных Народным комиссариатом просвещения РСФСР 27 декабря 1945 г. [5, с. 36]. В договоре фиксировалась также обязанность органов здравоохранения или образования снабдить патронируемого одеждой, обувью и постельными принадлежностями с указанием точного перечня и количества предметов.

Допускалось и существование так называемого «бесплатного патроната», и граждане, принявшие в семью детей, не получали за это никакого пособия. Но и в этом случае между заинтересованными сторонами подписывался соответствующий договор.

В сельской местности договор о патронировании заключался лицом, желавшим взять ребенка на воспитание, с правлением кассы общественной взаимопомощи колхоза. Она оказывала как единовременную помощь, так и выплачивала ежемесячное пособие (в натуральной или денежной форме). Размер последнего определялся общим собранием членов кассы. Допускалось начисление патронатным воспитателям трудодней. В случаях, когда родители ребенка, переданного на воспитание, не состояли в колхозе, пособие платилось отделом народного образования. На правление касс общественной взаимопомощи колхозов также возлагалась обязанность оказывать воспитателям помощь в приобретении крупного и мелкого скота, постройке дома.

Максимальное количество детей, устраиваемых в семьи трудящихся на условиях патроната, в постановлении СНК СССР от 23 января 1942 г. обозначено не было. В изданной позднее литературе есть упоминание о том, что одним приемным родителям следовало передавать не более одного ребенка. Особенно строго это требование рекомендовалось выполнять по отношению к грудным детям [7, с. 197]. Делалось это для того, чтобы обеспечить наилучшие условия для их содержания и воспитания. Однако дети могли быть переданы и в семьи, не все члены которых владели русским языком (так происходило в некоторых союзных республиках). Тогда для того, чтобы облегчить общение между сторонами и ребенку не было одиноко, в одну семью брали сразу двух и больше детей.

Дети должны были передаваться на патронат преимущественно в бездетные или малодетные семьи, которые обязывались содержать их наравне со своими собственными детьми. Это требование повторено и в инструктивных указаниях отдела народного образования «Патронирование детей, оставшихся без родителей, в семьи трудящихся», утвержденных Министерством просвещения РСФСР 23 мая 1950 г. [13, с. 120].

Также не существовало запрета на передачу ребенка одинокой женщине.

Первоначально считалось, что принимавшая сторона должна была относиться к рабочим, служащим или колхозникам, иметь избирательные и родительские права и находиться в возрасте от 18 до 60 лет. Однако позднее от строгого соблюдения этих условий отошли. В справочнике по вопросам охраны детства, изданном в 1956 г., отмечено, что при наличии благоприятных условий нет оснований для отказа в передаче детей пенсионерам или членам промысловых кооперативных артелей [Там же, с. 122].

Дети, передаваемые под патронат, регистрировались в специальных справочно-адресных детских столах. Обязанность по их созданию была возложена СНК СССР еще в январе 1942 г. на Народный комиссариат внутренних дел, который занимался обнаружением и устройством беспризорных детей в возрасте до 15 лет. Сделано это было для облегчения родителям поиска детей, потерявшихся или отставших при эвакуации. Одновременно те, кто брал ребенка под патронат, подписывали обязательство возвратить его любому из родителей по первому требованию. Просить расторжения договора о патронировании могли и «нашедшиеся или явившиеся из безвестного отсутствия» ближайшие родственники ребенка, переданного в семью [1, с. 44].

Необходимо также отметить, что идея о периодическом наблюдении (как в Америке в конце XIX в.) за условиями содержания патронируемых детей в Советском Союзе нашла интересное решение. Постановлением СНК РСФСР от 25 ноября 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» в составе отделов образования появились специальные инспектора по патронированию, опеке и усыновлению [5, с. 6]. Ими могли стать учителя, работники детских домов. Почти два месяца спустя, после принятия обозначенного документа перед комиссиями по устройству детей, оставшихся без родителей, была поставлена задача по созданию общественного актива, на плечи которого была возложена работа по контролю над условиями жизни патронируемых. Соответствующее «Положение об общественном инспекторе по охране детства» было утверждено Народным комиссаром просвещения уже 28 февраля 1943 г. [Там же, с. 11]. В отличие от штатных инспекторов, функции общественных инспекторов мог выполнять достаточно широкий круг лиц – комсомольцы, женщины-активистки, учителя, воспитатели детских домов.

Участники совещания заведующих секторами детских домов и начальников управлений Народного комиссариата просвещения, состоявшегося в том же году, отметили значимость помощи общественных инспекторов и посчитали нужным продолжить увеличивать их количество. Тогда же было решено систематически освещать в СМИ опыт лучших семей, взявших детей на воспитание.

Прошло менее десяти лет, и уже Совет министров СССР 8 апреля 1952 г. принял постановление «О мерах ликвидации детской беспризорности в РСФСР» [10, с. 21]. В нем был подведен своеобразный итог работе, проделанной в этом направлении, и сделан вывод о ее недостаточной результативности.

Однако от использования патроната не отказались, Совет Министров постановил возобновить работу комиссий по устройству детей, оставшихся без родителей, в семьи трудящихся, организацию наблюдения за условиями их содержания. Отличие состояло в том, что теперь в приемники-распределители было решено принимать беспризорных подростков в возрасте до 17 лет, при этом детей до 16 лет разрешалось принимать в детские трудовые воспитательные колонии. Сохранился и институт общественных инспекторов по охране детства, которых было решено освободить от других постоянных общественных поручений.

Таким образом, к середине XX в. патронат претерпел некоторые преобразования, превратившись из формы поддержки бывших заключенных в способ устройства детей, оставшихся без родителей. Хотя от идеи перевоспитания полностью не отказались, применив ее к подросткам, ступившим на путь бродяжничества. Выражение «тюремный патронат», использовавшееся в XVIII-XIX вв., не получило в советском государстве распространения (равно как и сама идея работы патронатных обществ).

Список литературы

1. **Абрамов С. Н., Граве К. А.** Новое законодательство о браке и семье. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947. 51 с.
2. **Банзаракцаева Е. В.** Охрана детства в Бурятии в годы Великой Отечественной войны. Улан–Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУВПО ВСГАКИ, 2008. 165 с.
3. **Беляева Л. И.** Патронат в России (XIX в. - начало XX в.). М.: Издательство Академии МВД России, 1996. 116 с.
4. **Дворянская империя XVIII века (основные законодательные акты)**: сб. документов / сост. М. Т. Белявский. М.: Издательство Московского университета, 1960. 224 с.
5. **Зилов С. А.** Справочник по вопросам охраны детства. М.: Учпедгиз, 1947. 115 с.
6. **Конюс Э. М.** Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917-1940 гг.) (по материалам организационных и научных съездов). М., 1954. 404 с.
7. **Копелянская С. Е.** Социально-правовая помощь матери и ребенку. М.: Медгиз, 1950. 247 с.
8. **Никончик О. К., Скугаревская З. И.** Организация акушерско-гинекологической помощи в СССР. М.: Медгиз, 1956. 204 с.
9. **Педагогический энциклопедический словарь** / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. 528 с.
10. **Сборник законодательных актов, руководящих и ведомственных материалов о несовершеннолетних** / сост. С. И. Малец. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. 288 с.
11. **Свердлов Г. М.** Война и правовая охрана детей в СССР. Ташкент: Государственное издательство УзССР, 1943. 71 с.
12. **Сорокин В. М.** Охрана детства. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1893. 267 с.
13. **Справочник по вопросам охраны детства. Для работников отделов народного образования.** М.: Учпедгиз, 1956. 227 с.
14. **Фельдштейн Г. С.** Патронат. Его необходимость и принципы организации // Вестник права. 1900. № 4–5. С. 1–56.
15. **Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов: 1917–1960 гг.**: в 2-х кн. М.: Советская энциклопедия, 1967. Кн. 1. 1917-1950 гг. 439 с.

LEGAL FRAMEWORK FORMATION OF PATRONAGE INSTITUTE IN RUSSIA (THE END OF THE XVIIITH – THE MIDDLE OF THE XXTH CENTURY)

Lyudmila Viktorovna Afanas'eva, Ph. D. in History
Department of Social Work
Komsomol'sk-on-Amur State Technical University
alvi_mila@mail.ru

The author describes the changes within the meaning of the term “patronage” that occurred in the XVIII-XXth centuries, emphasizes the principles of its implementation in the XVIII-XIXth centuries, as well as with respect to minors, and the distinction from homeless children placement, mentions the transformations that occurred in patronage institution during soviet decades including its transformation into the form of those children placement, who lost their parents during the Great Patriotic War, and pays particular attention to the analysis of the documents, which public authorities were guided with for the transfer of children under patronage in the Soviet Union in 1923-1950.

Key words and phrases: patronage; charity; children left without parental custody; agreement for patronage; public child welfare inspector.

УДК 340
Юридические науки

Статья посвящена проблеме становления таможенной службы на штатной основе в Российской империи XVIII в. Исследуются организация и прохождение службы в портовых и пограничных таможнях, ее нормативные и организационные основания. Источниковую базу исследования составили нормативные акты из коллекции Полного собрания законов Российской империи, а также материалы делопроизводства Санкт-Петербургской портовой таможни.

Ключевые слова и фразы: Российская империя; таможенная служба; таможенные служители; таможенные управители; портовые таможни; пограничные таможни.

Валентина Григорьевна Балковая, к. полит. н., доцент
Кафедра теории и истории государства и права
Российская таможенная академия (филиал) в г. Владивосток
valyabalk@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ СЛУЖБЫ В ШТАТНЫХ ТАМОЖНЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII В.[©]

Хотя таможенное дело на Руси ведёт свою историю еще с X в., лишь в Московском государстве начинается его институциональное оформление в особых бюрократических структурах – таможенных избах.

© Балковая В. Г., 2012